

Терри Пратчетт – известный во всем мире создатель серии романов о Плоском мире, первый из которых, «Цвет волшебства», издан в 1983 году.

«Плоский мир» – это непрерывная история мира, чем-то похожего на наш, за исключением того, что располагается он на плоском диске, покоящемся на спинах четырех слонов, которые стоят на панцире гигантской черепахи, плывущей сквозь космос. Помимо обычных людей, Плоский мир населен волшебниками, гномами, стражниками, ворами, попрошайками, вампирами и ведьмами.

История Плоского мира состоит из множества отдельных книг, которые можно читать в любом порядке. Однако чтение их в определенной последовательности может доставить особое удовольствие за счет знакомства со всеми мельчайшими деталями, украшающими эту блестяще выстроенную вселенную.

Серия «Магия Терри Пратчетта
в иллюстрациях Полины Граф»
(под редакцией Евгении Сафоновой)

**РОМАНЫ ПРО МОЙСТА ФОН ЛИПВИГА
ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»:**

Держи марку!

Делай деньги!

Поддай пару!

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Держи
марку!

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П70

Terry Pratchett
GOING POSTAL

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2004
First published as Going Postal by Transworld Publishers

Иллюстрации *Полины Dr. Graf*

Дизайн *Е. Елькиной*

Пратчетт, Терри.

П70 Держи марку! / Терри Пратчетт ; [перевод с английского Е. Шульги]. — Москва : Эксмо, 2022. — 544 с.

ISBN 978-5-04-160716-6

Однажды к мошеннику Мойсту фон Ливигу явился ангел и предложил ему потрясающий выбор: либо смерть, либо работа на Почтамте славного города Анк-Морпорк.

Мелочи вроде той, что четыре предыдущих почтмейстера умерли ужасной смертью, ангел не упомянул.

Теперь главная задача Мойста — возродить Почтамт. И при этом неплохо бы выжить.

Но Почтамт, конечно, важнее.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-160716-6 ООО «Издательство «Эксмо», 2022

9000 лет назад

Флотилии мертвецов дрейфуют
в подводных реках.

Мало кому известно о них. Хотя в теории все очень просто.

То есть море, если так подумать, — всего лишь очень влажный воздух. А воздух, как известно, чем ниже спускаешься — тем плотнее, и чем выше взлетаешь — тем реже. И когда подхваченный бурей корабль разбивается и идет ко дну, рано или поздно он достигает той глубины, где вода становится достаточно вязкой, чтобы остановить падение.

В общем, он прекращает тонуть и плывет по подводной глади, глубоко под бушующими штормами и высоко над океанским дном.

Там царит спокойствие. Мертвенное спокойствие.

На некоторых затонувших кораблях еще есть такелаж. На некоторых даже паруса. На многих

ДЕРЖИ МАРКУ!

остались моряки, запутавшиеся в такелаже или привязанные к штурвалу.

Но плавание продолжается – без цели, без места назначения, – потому что подводные океанские течения носят мертвые корабли со скелетами моряков по свету. Они дрейфуют над затонувшими городами, между ушедшими под воду горами, пока гниение и древоточцы не изъедят их до основания и они не прекратят существовать.

Иногда во тьму и ледяную безмятежность глубоководной равнины падает якорь и нарушает вековую неподвижность, вздымая облако ила.

Один такой якорь чуть не задел Ангхаммарада, который сидел и смотрел на корабли, проплывавшие высоко над его головой.

Он запомнил, потому что это было единственным интересным происшествием за последние девять тысяч лет.

Месяц назад

Эта... зараза, косящая семафорщиков.

Она была сродни тропической лихорадке, которой моряки заболевали после долгих недель штиля под палящим солнцем, — когда им начинало мерещиться, что их корабль окружен зелеными полями, и они шагали за борт.

Семафорщикам иногда начинало казаться, что они умеют летать.

От одной клик-башни до другой было около восьми миль, и, стоя на самом верху, вы находились в полутораста футах от земли. Говорили, что, если пробыть там слишком долго без головного убора, ваша башня станет выше, а соседняя — ближе, и человеку начинало казаться, что он мог бы даже допрыгнуть туда или прокатиться на невидимых посланиях, скользящих между башнями, — а может, у него возникала мысль, что *он и есть* послание. А некоторые считали, что это было обычное повреждение мозга, вызванное шумом ветра в арматуре. Точ-

ДЕРЖИ МАРКУ!

но никто не знал. Люди, которые шагают в воздух на высоте ста пятидесяти футов от земли, нечасто имеют возможность обсудить это впоследствии.

Клик-башня слегка покачивалась на ветру, но это было нормально. В *этой* башне было много разных новых штучек. Она использовала ветер для работы своих механизмов, она гнулась, но не ломалась и была скорее похожа на дерево, нежели на крепость. Ее можно было всю собрать на земле и потом возвести на нужном месте в течение часа. Она была образцом изящества и красоты. И могла отправлять клики до четырех раз быстрее, чем старые башни, благодаря новой системе заслонок и цветных огней.

По крайней мере, сможет, когда удастся решить небольшие технические вопросы...

Молодой человек проворно взбирался на самый верх башни. Из липкого серого марева он вылез на ослепительный солнечный свет, а утренний туман у него под ногами простирался до самого горизонта, как море.

Пейзаж мало интересовал юношу. Он никогда не мечтал о полетах. Он мечтал о механизмах и изобретениях, которые будут работать лучше, чем все, что существовало до них.

А сейчас он хотел разобраться, из-за чего новые заслонки *опять* заело. Он смазал задвижки, проверил натяжение проводов, а потом высунулся еще дальше, навстречу холодному воздуху, чтобы проверить сами заслонки. Делать так

Месяц назад

было нельзя, но любой семафорщик знает, что это единственный способ починить неисправность. Да и потом, это совершенно безопасно, если...

Что-то звякнуло. Он обернулся и увидел, что карабин его страховочного троса лежит на полу, увидел тень, ощутил пронзительную боль в пальцах, услышал крик и упал...

...якорем вниз.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АНГЕЛ

*В которой герой получает величайший дар:
Надежду • Сочувственный сэндвич с беконом*

- Неутешительные размышления палача
о тяжких наказаниях • Славные последние
слова • Наш герой умирает*
- Ангелы и рассуждения об оных • Избегайте
неуместных предложений, в которых
фигурируют метлы • Неожиданная поездка*
 - Мир без честных людей*
 - Прыг-скок • Выбор есть всегда*

Бытует мнение, что перспектива быть наутро повешенным необычайно помогает человеку справиться с мыслями. К сожалению, собравшись, они неизбежно сосредотачиваются на том, что голова, в которой они собрались, наутро окажется в петле.

Человека, который должен был оказаться в петле, при рождении недальновидные, но любящие родители нарекли Мойстом* фон Липвигом, и он не собирался очернять это имя (хотя, казалось бы, куда уж дальше), будучи под ним повешенным. В миру вообще и в приказе о смертном приговоре в частности он значился Альбертом Стеклярсом.

К ситуации он подошел с самой оптимистической стороны и, собравшись с мыслями, думал

* От англ. moist – влажный.

ДЕРЖИ МАРКУ!

о том, как бы в петле *не* оказаться и, в частности, как бы при помощи ложки соскрести крошащийся цемент вокруг камня в стене его камеры. Он корпел над этим уже пять недель, и ложка теперь больше походила на пилку для ногтей. На его счастье, тюремщики ни разу не меняли ему постель – иначе они обнаружили бы в камере самый тяжелый на свете матрац.

Все внимание Мойста было сосредоточено на увесистом бульжнике и на пригвожденной к нему железной скобе – для крепления кандалов, в частности.

Мойст уселся лицом к стене, уперся в нее ногами, обеими руками ухватился за железное кольцо и потянул.

Его плечи вспыхнули огнем, перед глазами поплыл алый туман, но камень сдвинулся и пополз, почему-то слабо позвякивая. Мойсту удалось высвободить камень из стены, и он заглянул в дыру.

На том конце крепко сидел еще один камень, и цемент вокруг него выглядел подозрительно прочным и свежим.

Прямо у стенки лежала новая ложка. Лежала и сверкала.

Мойст так и стоял, уставившись на нее, пока не услышал из-за спины хлопки. Он обернулся, и его натянутые жилы так и взвыли от боли. Через решетку камеры за ним наблюдали тюремщики.

– Отличная работа, господин Стеклярь! – воскликнул один из них. – Рон теперь должен мне пять долларов! А я говорил ему, что ты упрямый! Говорил я?

АНГЕЛ

— Твоих рук дело, Вилкинсон? — обессиленно спросил Мойст, глядя на отражение света в ложке.

— О нет, куда мне. Приказ лорда Витинари. Он считает, что всем смертникам нужно предоставлять перспективу свободы.

— Свободы? Да тут же камень опять, черт подери!

— Да, все так, тут ты прав, все так, — согласился тюремщик. — Так ведь речь-то только о *перспективе*, вот оно что. А не о настоящей свободе, когда ты *на свободе*. Хе-хе, это было бы глупо с нашей стороны, да?

— Ну, видимо, да, — сказал Мойст. И не добавил: «Скотины вы этакие». Минувшие полтора месяца тюремщики обращались с ним очень даже по-божески, и вообще он всегда предпочитал находить с людьми общий язык. Это ему очень, очень хорошо удавалось. Навыки общения были важной частью его арсенала — практически составляли этот арсенал целиком.

К тому же у тюремщиков были большие дубинки. Поэтому Мойст осторожно добавил:

— Кто-то мог бы сказать, что это жестоко, Вилкинсон.

— Да, мы тоже так подумали, но Витинари сказал, что нет, мы не правы. Он сказал, это... — он наморщил лоб, — труда-ти-рапия, физзарядка, и вообще, не дает затосковать и дарует величайшее из всех сокровищ, каковое есть Надежда.

— Надежда, — проворчал Мойст.

— Ты не расстроился, а, господин Стеклярс?

— Расстроился? Я? С чего бы, Вилкинсон?

ДЕРЖИ МАРКУ!

– Да вот, твой предшественник ухитрился вылезти в эту трубу. Такой маленький был. И юркий.

Мойст глянул на небольшую решетку в полу. Этот вариант он отбросил сразу.

– Труба хоть ведет к реке? – спросил он.

Тюремщик ухмыльнулся.

– Все так думают. *Как он был огорчен*, когда мы его выловили. Приятно видеть, что ты уловил суть, господин Стеклярс. Нам всем с тебя только пример можно брать. Как ты все это провернул! Песок в матрац? Как умно, как аккуратно. Как *опрятно*. Нам было в радость наблюдать за тобой. Кстати, жена моя сердечно благодарит за корзину с фруктами. Такая солидная корзина. Даже кумкваты есть!

– Не за что, Вилкинсон.

– Смотритель, правда, чуток обиделся из-за кумкватов, у него-то были одни финики, а я так и сказал ему, что фруктовая корзина – она как жизнь: никогда не знаешь, что попадетсЯ. Он тоже передает спасибо.

– Рад, что ему понравилось, Вилкинсон, – ответил Мойст рассеянно. Несколько его бывших квартирных хозяек приносили гостинцы «бедному, сбившемуся с пути мальчику», а Мойст всегда делал ставку на щедрость. В конце концов, в его профессии все держалось на стиле.

– И вот еще что, – сказал Вилкинсон. – Мы тут с ребятами подумали, вдруг ты все-таки решился облегчить душу на предмет адреса того самого места, где расположено местонахождение, где, чтобы не ходить вокруг да около, ты спрятал деньги?..

АНГЕЛ

В тюрьме стало тихо. Даже тараканы прислушались.

— Нет, на это я пойти не могу, Вилкинсон, — громко ответил Мойст, театрально выдержав паузу. Он похлопал себя по карману сюртука, поднял вверх палец и подмигнул.

Тюремщики усмехнулись в ответ.

— Прекрасно тебя понимаем. А сейчас я бы на твоём месте отдохнул, потому что тебя повесят через полчаса, — сказал Вилкинсон.

— Эй, а завтрак мне не положен?

— Завтрак только после семи, — отозвался тюремщик с сожалением. — Но знаешь, я сделаю тебе сэндвич с беконом. Только ради тебя, господин Стеклярс.

До рассвета оставались считанные минуты, когда его провели по небольшому коридору в камеру под эшафотом. Мойст заметил, что наблюдает за собой как бы со стороны, словно он уже частично покинул свое тело и парил, как воздушный шарик, который только и ждет, чтобы оторваться от нитки.

В камеру через щели помоста у него над головой и вокруг дверцы люка, ведущего на эшафот, просачивался свет. Человек в капюшоне усердно смазывал петли означенного люка.

Когда в камеру вошли, он прервался.

— Доброе утро, господин Стеклярс! — он учтиво снял капюшон. — Это я, господин, Даниэль «И-Раз» Трупер. Я твой палач на сегодня. Не волнуйся, я вздернул уже не один десяток человек. Мы быстро со всем разберемся.